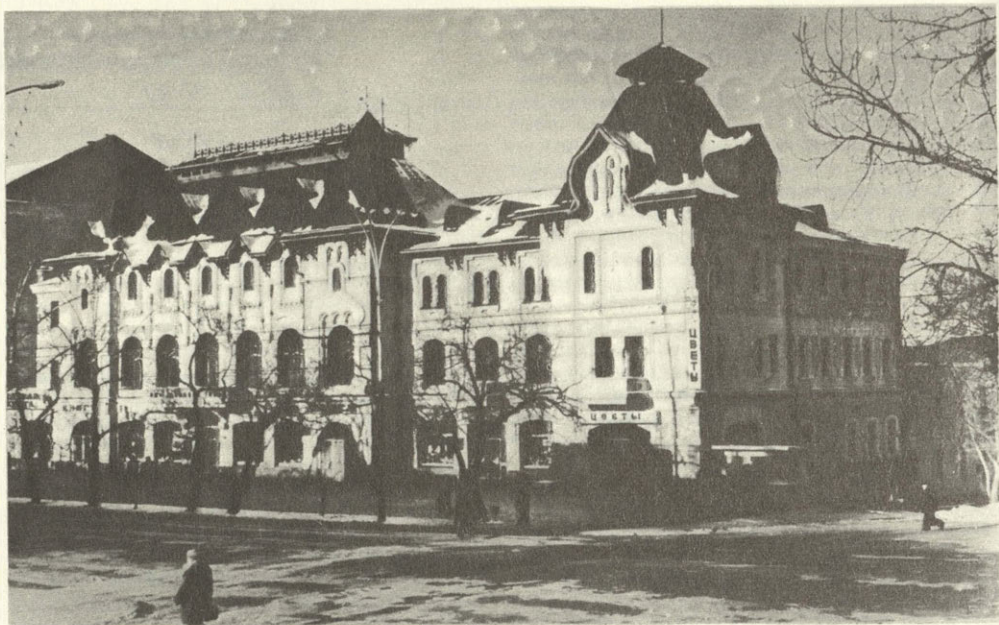

Размышления о Хабаровске

Н. П. Крадин,
кандидат архитектуры,
председатель президиума
Хабаровского областного
отделения ВООПИиК

«Амурский красавец» — так поется в песне о Хабаровске. Наверное, так оно и есть. Из песни, как говорится, слова не выкинешь. Но оставим в стороне слова известной песни и лучше посмотрим — каков он на самом деле, что представляет собой, имеет ли свою «физиономию».

Архитектурный облик любого города складывается не сразу и под воздействием многих факторов. Свое лицо город обретает после десятилетий и даже столетий, благодаря усилиям многих поколений зодчих. Казалось бы, чем город старше, тем больше возможностей для того, чтобы он получил развитие, а вместе с ним выразительность и своеобразие. Среди множества разнообразных факторов, влияющих на это своеобразие, едва ли не первым следует назвать природно-географические условия. Именно они часто преопределяют ту неповторимость и красоту, которые архитектор в будущем может выявить и подчеркнуть еще ярче или, как говорят, «сыграть» на них.

Хабаровску в этом плане повезло. Его основатели выбрали место не просто отменное, удобное, но и обладающее большой художественной выразительностью. Нет, не случайно многие путешественники начиная с первых лет основания города «списывали с этой местности портрет», сравнивая природную ситуацию то с Москвой (расположение на хол-

мах), то с Генуей (обширное водное пространство) или с канадским Квебеком. Путешественник Руссель-Киллуг, проехавший через Сибирь в Австралию и Индию, отметил в 1781 г., что селение Хабаровка «пользуется таким живописным местоположением, что трудно найти где-нибудь на свете что-нибудь подобное этой прелестной панораме... кто на своем веку имел счастье видеть весь восточный край Сибири и Индию, того уже не может удивить ничто, хотя бы он прошел весь земной шар от экватора до полюсов»¹.

Можно встретить и еще более восторженные описания. Например, такое: «Это место напомнило мне Монте-Карло: характер горных уступов, террасы, покрытые густой зеленью, похожи на Ривьеру, морем кажется здесь Амур. Все вокруг памятника (Муравьеву-Амурскому. — Н. К.), красивых зданий и собора выхолодено и вычищено. Сад на обрыве, беседки, павильон для музыки, все напоминает обстановку великосветских курортов... Здешний вид величествен и лучший вид из всех дальних видов, которыми мне пришлось любоваться в Сибири»².

Нет смысла приводить и другие, не менее восторженные отзывы, тем более что многие из них довольно известны. Зададимся лучше вопросом: чего больше здесь — неумеренной восторженности или реальной действитель-

сти? Да вот найдется ли человек, который мог бы однозначно ответить на него. Ведь и сегодня, выйдя на смотровую площадку утеса в парке, едва ли можно остаться равнодушным от той величественной и дух захватывающей панорамы, которая открывается перед взором! Поневоле хочется говорить на таких же восторженных нотах.

Но панорама и другие естественные прелести — это еще не город. Приподняв «с помощью» трех холмов значительную часть территории на крутой излучине Амура, природа тем самым как бы отметила место для поселения и его будущего центра. Расчертив складками местность, она стала и его первым землемером. Ведь именно по этим складкам и холмам, словесно обозначив их в своих записях, астроном капитан Гамов, изучая в 1859 году местность рек Амура и Усурия, сделал заключение: «Вот несложный и не обширный план Хабаровки». А уже через четыре года после него топограф Михаил Любенский произвел подробную геодезическую съемку местности и разработал первый проектный план города.

Гуляя сегодня по центру Хабаровска, многие и не догадываются, что ходят по улицам, направление которым дал этот топограф. Можно с уверенностью сказать, что М. Любенский сумел максимально использовать ландшафтные особенности местности и включить их в схему регулярной планировки. Хотя застройка в последующем и складывалась стихийно, но трассировка улиц оставалась прежней. Более того, она сохраняется таковой и в настоящее время, активно воздействуя на новые планировочные решения. Современная градостроительная практика и связанная с ней реконструкция центральной части города, где и возникло вначале поселение, не только заставляют считать себя со сложившейся системой застройки, но и вызывают необходимость выявления основных закономерностей его планировочной структуры.

Сегодня Хабаровску 130 лет. За эти годы город прошел в своем развитии огромную дистанцию от небольшого военного поста, каким был основан, до крупнейшего на Дальнем Востоке административного, промышленного и культурного центра, каким является сегодня, насчитывая более 600 тысяч населения. Гладким ли был его путь, каков его облик, приобрел ли он свое лицо — эти и другие вопросы волнуют хабаровчан, не временщиков, а именно хабаровчан — патриотов города. На какие-то вопросы можно получить ответы, но многое все-таки остается неясным и, более того, непонятым. Скажем, почему в городе за 130 лет не создано практически ни одного сколько-нибудь крупного и интересного градостроительного ансамбля? Почему некоторые крупные здания появляются именно там, где им по всем градостроительным и архитектурным канонам не место? Кто ответит на эти вопросы? Может быть, сегодня, когда гласность наконец-то становится нормой нашей жизни, кто-то скажет, по чьей воле Дом радио встал, «заткнув» выход к Амуру одной из главных лиц города и заслонив ширмой своего маловыразительного фасада одну из красивейших панорам? Вот уже двадцать лет минуло со дня закладки этого, с позволения сказать, памятника, а он все еще остается незаконченным, являя собой памятник бесхозяйственности на площади Славы. Двадцать лет. По-

думать только! За этот же срок в XVII веке был создан удивительный по красоте и гармонии, гигантский по размерам Версальский ансамбль. Да зачем ходить далеко за примерами, и в своем родном Отечестве их сколько угодно. Скажем, Карл Росси в первой трети XIX в. всего за каких-то 18 лет создал в Петербурге несколько непревзойденных градостроительных ансамблей, которые едут сегодня смотреть туристы со всех концов света.

Как тут не будешь удивляться «совершенству» методов современного нашего строительства. А ведь еще 7 мая 1969 г. газета «Тихоокеанская звезда» напечатала восторженную информацию: «В Хабаровске начато строительство одного из самых красивых в архитектурном отношении здания города. Сейчас там полным ходом идут нулевые работы... По официальному плану Дом радио должен быть построен в 1971 году». И какими бы объективными ни выглядели причины, но подобный долгострой иначе как бесхозяйственностью и не объяснить. Наверняка за первые сто лет существования города ничего подобного не наблюдалось.

Среди других городов Приамурья и Приморья Хабаровск находился в геометрическом центре, поэтому лет через двадцать после его основания возникли дебаты о переводе сюда областного губернского управления из Николаевска-на-Амуре. 30 мая 1880 г. военным губернатором был издан приказ о назначении специального комитета по преобразованию Хабаровки в город. Комитет, в состав которого вошли представители всех основных сословий, в том числе областной архитектор, землемер и врач, разрабатывает подробный план мероприятий. Однако вся деятельность этого органа сводилась к тому, что он занимался отводом участков, предназначенных к строительству храмов, городских общественных учреждений и торговых зданий. Правда, областному землемеру Карауловскому поручается разработать и генплан будущего города, который был им представлен комитету в апреле 1881 г. И все-таки это был не проектный план, а все тот же план преобразования поселения в город. Генеральный же план Хабаровки (второй) был разработан землемером Поповым. Сохраняя планировочную сетку плана М. Любенского, новый план предполагал расширение городской территории вплоть до нынешней улицы Московской.

Стряхнув с себя провинциальную сонливость, город начинает застраиваться более быстрыми темпами, но вся строительная деятельность сводилась к более-менее приличной застройке центра, территория которого практически целиком отводилась для постройки областных и городских учреждений, домов губернатора и богатых купцов. Окраины застраивались, как правило, хаотично, без всякой оглядки на генплан, хотя и было строго предписание следить за возведением всех новых домов, чтобы строились они по плану и по улицам «линейно».

Ничего нового не дал городу и третий его план, разработанный в 1893 г. Город продолжал оставаться деревянным. Еще и много лет спустя, за 5 лет до Октябрьской революции, в газете «Приамурская жизнь» автор одной из статей вопрошал: «Город или деревня?» В 1893 г. Хабаровка стала официально именоваться городом Хабаровском, но длительней

Хабаровск.
Городской дом.
Архитектор
П. В. Бартошенич.
1907—1909 гг.
Ныне Дворец пионеров

Хабаровск.
Здание бывшего
отеля «Русь»

этап деревянного строительства продолжался вплоть до 1917 г. Количество деревянных домов во много раз преобладало над каменными, которые стали появляться в городе лишь спустя четверть века после его основания. Например, с 1884 по 1900 г. было построено чуть более двадцати капитальных сооружений. Основной период строительства каменных зданий — последнее десятилетие XIX и 15 лет нового, XX столетия. За это время были воз-

ведены крупные общественные, культовые, учебные, торговые и административные учреждения.

Особенно интенсивное строительство каменных зданий развернулось на рубеже веков. 27 апреля 1895 г. состоялась закладка небольшого двухэтажного здания детского (Ольгинского) приюта Хабаровского благотворительного общества. Этому торжественному событию предшествовало богослужение в Успен-

Хабаровск.
Торговый дом
Кривякова
с магазинами
Агишева.
Фото 1910-х гг.

ском соборе. На торжестве присутствовал сам генерал-губернатор С. М. Духовской. Проект приюта разработал военный инженер-полковник Н. Ф. Александров, а средства для его строительства пожертвовала состоятельная горожанка Е. И. Голдобина. Почти через год, 8 февраля 1896 г., состоялось освящение и открытие детского приюта, построенного на углу улиц Барановской и Барабашевской (ныне улицы Ленина и Запарина).

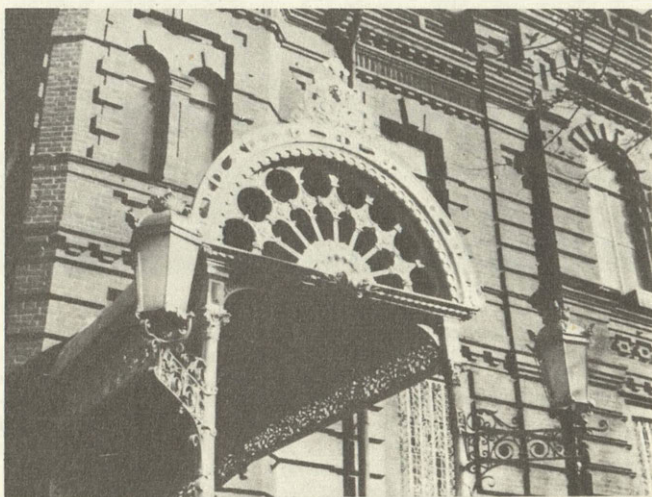
Годом раньше закладки детского приюта в Хабаровске строится первое в крае железнодорожное техническое училище. Правда, позднее здание было сильно реконструировано и надстроено, а само училище превратилось в железнодорожный техникум. Таковым он остается и до сих пор.

В 1896 г. городскому архитектору было поручено составить план нового каменного трехклассного и приходского училища. После разработки плана участок, на котором предполагалось строительство училища, был отдан почтово-телеграфному ведомству. В 1897 г. строительство училища, названного Николаевским, закончилось, а здание почтово-телеграфной конторы появилось лишь через несколько лет. Оба они разместились рядом друг с другом, на Николаевской площади. Здесь же, на площади, в 1900 г. началось строительство реального училища по проекту, разработанному архитекторами С. О. Бером и А. В. Перицеком. Это было первое учебное заведение подобного рода на Дальнем Востоке. Ныне в здании размещается 3-я городская клиническая больница им. С. К. Нечепалева.

Примерно в эти же годы начинается строительство сразу нескольких зданий с противоположной стороны улицы Муравьева-Амурского, от Соборной площади. С 1900 по 1902 г. здесь возводятся: банковский дом Плюсинина (ныне краевая научная библиотека), рядом с ним — гостиница «Хабаровск», а с противоположной стороны — дом Хлебникова (ныне здание аптеки в перестроенном виде), общественное собрание (здание ТЮЗа) и дом Кровакова с магазином Агишева (угловой дом на ул. Карла Маркса и Комсомольской). Так постепенно центр города перемещается от берега Амура вдоль главной улицы. Еще в 1897 г. городская дума приняла решение построить собственный дом, в котором должны были разместиться ряд управлений (городское, мещанское) и общественное собрание. Правда, позднее здание общественного собрания было построено отдельно. Идея с постройкой городского дома затянулась, а вскоре и забылась, но в 1906 г. к ней вернулись. На заседании городской думы 28 ноября принимается решение обратиться с просьбой в Петербургское общество архитекторов об объявлении конкурса на составление проекта. В положении о конкурсе был приведен подробный перечень помещений и служб для городского дома, а также оговаривалось, что в конкурсе могут участвовать только лица, постоянно проживающие в России. Одним из условий было положение отдать предпочтение при разработке проектов русскому стилю.

К указанному сроку на конкурс было представлено одиннадцать проектов. Рассматривая их, комиссия судей оказалась, мягко говоря, в затруднительном положении. Дело в том, что почти ни в одном проекте не было соблюдено одно из главных условий — об объеме здания.

В некоторых проектах он оказался завышенным более чем наполовину. Начались дебаты. Комиссия заседала несколько раз, мнения ее членов разделились. Оказалось, что лучшие проекты премировать нельзя. Комиссия исходила из предположения — если общество премирует проекты, выходящие из заданной кубатуры, то управа будет вправе возбудить иск за неисполнение взятого архитектурным обществом поручения по проведению конкурса. В результате по предложению архитектора П. В. Алешина из конкурса исключили все проекты, не удовлетворяющие формальной стороне, и премировали оставшиеся, хотя они и были несколько слабее по своим достоинствам. Первой премии был удостоен проект под девизом «Москва» (художник-архитектор С. А. Власьев). Вторым оказался проект с девизом «Ижица с двумя кругами» гражданско-инженера П. В. Бартошевича, а третьим — проект архитектора П. Л. Славкина под девизом «Гражданам».

21 июня 1907 г. городская дума рассмотрела премированные проекты и остановила свой выбор на работе П. В. Бартошевича. На этом же заседании было поручено управе приступить к постройке, а уже через два года, 26 ноября 1909 г., состоялось торжественное открытие городского дома. В первые послеоктябрьские годы в здании размещался горсовет, а теперь — вот уже несколько десятилетий, здесь находится городской Дворец пионеров. В архитектурном отношении это одно из лучших зданий в городе. Связанное со многими историческими событиями, здание городского дома представляет собой ценнейший памятник истории и культуры.

В самом начале века исследователь Дальнего Востока П. Краснов писал: «Пока в Хабаровске местных жителей нет. Вместо хабаровцев вы видите петербуржцев, москвичей, орловцев, севастопольцев, одесситов и т. д., все интересы которых сосредоточены там, у себя, в России... Они приезжают сюда на службу, на срок — на три или пять лет». Это были временщики, которых мало заботили мысли о процветании города и края. Да и правительство в то время практически не проявляло заботы о развитии Дальнего Востока, хотя на неудовлетворительное состояние дел в крае

Хабаровск.
Ул. Шевченко, 20
Навес над
входом
б. отделения
государственного
банка

неоднократно обращали внимание генерал-губернаторы в своих отчетах. К примеру, в 1885 г. на одном из таких отчетов император Александр III собственноручно сделал такое замечание: «Уж сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, очень пора!»

Однако это была лишь минутная слабость императора, известного своей реакционностью, а также беспощадностью к революционно-демократическому и рабочему движению. Это императорское «А пора, очень пора!» так и не наступило вплоть до Октябрьской революции. Скупой была казна города. Хабаровские толстосумы хотя и жертвовали часть своих сбережений на строительство зданий и благоустройство улиц, но погоды не делали. Контраст богатства и убожества был настоль-

«ежедневно ходит начальство Приамурского генерал-губернаторства и военного округа. Постройки солидные, бульвар, тротуары. Ни сору, ни падали, ни помоев, ни гусей, ни кур, ни свиней. Пешеходы преимущественно чиновники, офицеры и дамы... Чистота и порядок идеальные. На каждом шагу полицейские».

Такой вот контраст между центром и окраинами процветал в течение десятилетий, усугубляя противоречия и вызывая недовольство масс неравноправным положением. Начальство мало заботилось о строительстве жилых домов для горожан. Эта проблема его вовсе не беспокоила. Вместе со строительством городского дома отцы города начинают подготовку к возведению еще нескольких церквей. Одновременно с постройкой Иннокентьевской церкви была совершена закладка нового каменного здания Алексеевской женской прогимназии, на постройку которой городской казной было ассигновано 30 тысяч рублей. Построенное через год здание просуществовало до 1913 г., когда городской голова Еремеев поручил архитектору А. К. Левтееву разработать проект пристройки для расширения существующего здания. В новой пристройке архитектор ориентировался на характер композиции стоящего через улицу городского дома и украсил пристройку декоративными элементами в таком же неорусском стиле. На крыше, на углах здания были установлены четырехгранные палатные шатры, почти такие же, как и на городском доме. К большому сожалению, эта пристройка более 20 лет назад была надстроена, а весь декор вместе с шатрами уничтожен, и лишь небольшой фрагмент фасада, обращенного на улицу Запарина, напоминает сегодня об особенностях и архитектурных достоинствах этой постройки.

В последние несколько лет перед Великой Октябрьской социалистической революцией начинают застраиваться части города, непосредственно примыкающие к его главным улицам. Местные газеты постоянно информируют читателей об окончании строительства того или иного дома. Например, в 1913 г. в одном из номеров «Приамурская жизнь» сообщала: «С ранней весны начинается постройкою грандиозный каменный дом Архипова, на углу Муравьева-Амурского и Хабаровской улиц по очень изящному проекту. В доме этом будут магазины, гостиница и более крупные квартиры, и с его постройкою центр города, несомненно, несколько продвинется к Николаевской площади». На этой же площади известный содержатель иллюзиона Дон Отелло, проживавший в Иркутске, просил разрешения у городского начальства построить здание постоянного театра, но получил вежливый отказ — это место было отведено под постройку еще одного кафедрального собора, который, кстати, так и не был сооружен.

Вместе со строительством каменных общественных зданий в городе начинается строительство и некоторых промышленных зданий в более долговечных материалах. Так, в 1902 г. появились артиллерийские мастерские, а в 1906 г. ниже Соборной площади, почти на самом берегу Амура, построено было кирпичное здание хабаровской электростанции, основанной акционерным обществом электрического освещения.

Отреставрировано за счет средств Общества в 1982—87 гг.

Тюменская область

Здание «Штаб-квартиры В. К. Блюхера», г. Тюмень. Филиал областного краеведческого музея.

Здание бывшей Татарской мечети. Конец XIX в., село Ембаево, Тюменский район. Музыкальная школа.

Здание Никольской церкви, XIX в., г. Тюмень. Студенческий клуб инженерно-строительного института.

Здание бывшей городской думы. Город Тюмень. Областной краеведческий музей.

ко разительным, что вызывал сарказм путешественников, оставивших нам свои воспоминания. Особенно ядовитым островам подвергались попытки городских властей сделать Хабаровск похожим на европейский город. Одни только названия гостиниц здесь чего стоили — «Бельведер», «Лондон», «Коммерческие номера», «Бристоль», «Европейская», «Золотой Рог», «Метрополь», «Россия», «Тихий океан», «Франция», «Эспланад-Отель» и так далее. Подобные нововведения, конечно же, не могли сделать Хабаровск культурным и цивилизованным городом, действительно похожим на европейский.

Один из путешественников, Г. Т. Муров, побывавший в Хабаровске в 1909 г., дал ему убийственную характеристику, сравнив с приисковым рабочим, у которого «на нечесаной и давно немойтой голове соболя шапка. На грязной шее — разноцветный шарф. Чуйка оборвана, с заплатами и грязна. Штаны широкие, выцветшие, с заплатами и грязнейшие. Сапоги дорогие, новенькие, с лакированными голенищами. Немытая, нагло ухмыляющаяся рожа — пропойца, алкоголика. В широком рту, окаймленном усами и бородой, никогда нечесанных и немых — дорогая 10-рублевая гаванская сигарета»³. Зато центральная улица города, его показная сторона, выглядела совершенно иначе. Как писал Муров, здесь

Совершая прогулки по современному Хабаровску, в старой его части можно увидеть много интересных в архитектурном отношении зданий. Хабаровчане и гости города пытаются во время знакомства с памятниками архитектуры выявить те или иные стилевые направления. Но сделать это бывает довольно непросто. В дореволюционной архитектуре Хабаровска, как и во всей русской архитектуре этого периода, было много противоречий и поисков. Но если в столичных городах в это время уже достигли значительных успехов искания в стиле модерн, то здесь, в далекой провинции, архитекторы и строители все еще упорно жили в «кирпичном стиле», беря за основу альбомные образцы или постройки столичных архитекторов. Причем большинство проектов на рубеже XIX — XX вв. разрабатывали инженеры военного ведомства. При проектировании более крупных и ответственных сооружений часто проводились конкурсы, которые по поручению хабаровской городской управы объявляло и проводило Петербургское общество архитекторов. Тем самым к проектированию некоторых объектов для далекого периферийного Хабаровска привлекались столичные архитекторы.

Сопоставление разрозненных сведений, собранных в местной и центральной печати, показывает, что первыми постройками по проектам столичных авторов были не архитектурные сооружения, а памятники. Так, в конце XIX в. в городском саду устанавливается памятник бывшему генерал-губернатору Сибири графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, много сделавшему для изучения и освоения Дальнего Востока. Проект памятника и пятиметровой высоты статуя были выполнены одним из крупнейших русских скульпторов второй половины XIX в. — академиком А. М. Опекушиным, автором всемирно известного памятника А. С. Пушкину в Москве. Архитектурную часть памятника — его постамент — разработала группа инженеров под руководством инженер-полковника Н. Ф. Александрова.

До сих пор среди старожилов города сохранилась легенда, будто бы на том месте, где впоследствии поставили памятник, Н. Н. Муравьев останавливался на отдых во время экспедиций по Амуру в 1854—1855 гг. В беседе с сопровождавшими его членами экспедиции он выразил уверенность в том, что на этом месте будет со временем крупный город. К тому же Муравьев посоветовал будущим основателям Хабаровского поста, чтобы они сохранили на берегу Амура деревья и превратили это красивое место в городской сад.

Велики заслуги Н. Н. Муравьева в утверждении за Россией Приамурья. Результатом этих заслуг бывшего губернатора сибирского, трудов его «на пользу Отечества» стала приставка «Амурский» к его фамилии. Примечательно еще и то в этой истории, что, кроме скульптуры самого Н. Н. Муравьева-Амурского, на памятнике увековечены были имена всех участников экспедиций, перечислены названия и номера батальонов и других частей, флотских экипажей, судов и транспортов. Названия и фамилии со всеми чинами и званиями едва уместились на четырех бронзовых досках, размещенных по всем граням постаментов. Так в памятнике одному человеку отражена была история утверждения за Отече-

ством Приамурья, Приморья и Сахалина.

Выражая свой патриотизм, великий Пушкин говорил: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков». История нам нужна для памяти. Только беспамятством, и ничем другим, можно объяснить то, что памятник Муравьеву-Амурскому в 1925 г. был уничтожен. Трудно поверить объяснению, что памятник находился якобы в плохой степени сохранности. Другие-то опекушинские памятники благополучно стоят вот уже второе столетие, и все они, в том числе и памятник Муравьеву-Амур-

Дворец
П. М. Новока-
женного.
Фото 20-х гг.

Тот же дворец.
Состояние
1987 г.

скому, были отлиты из бронзы. Все дело, видимо, в том, что под лозунгом сноса памятников «царским сатрапам» хабаровские псевдопатриоты смахнули памятник действительному патриоту России.

Еще, наверное, живы люди, причастные к судьбе памятника, сданного будто бы «на сохранение» в краеведческий музей. Они так его сумели «сохранить», что и следов никаких не осталось. А ведь памятник этот — еще и страница в творчестве замечательного русского скульптора. Но нет этой страницы, вырванной она оказалась, как у нерадивого школьника в дневнике. Справедливы многочисленные просьбы и обращения хабаровчан о восстановлении этого памятника, ибо никому не дано на свой лад писать историю.

В 1895 г. в Петербурге был проведен конкурс на памятник барону Корфу. Довольно любопытной представляется история этого конкурса. Известно, что барон А. Н. Корф

рованы три лучших, авторами которых стали А. П. Шильцов, А. К. Монтаг и Г. Д. Grimm. Сегодня можно лишь на редких старых фотографиях увидеть, где стояла часовня Марии Магдалины и что она собою представляла. Время не пощадило и этот памятник.

Земля дальневосточная богата историей. Но многое ли напоминает сегодня об этой истории, особенно о первых открывателях окраинных земель, русских казаках-первопроходцах, которые, по словам декабриста М. Бестужева, «подарили России Сибирь». Задумаемся и вспомним — все ли имена сохранили мы в памяти своей, многим ли из них памятники соорудили. Вот, скажем, имя Семена Дежнева, первым открывшего в 1648 г. пролив, разделяющий Азию и Америку. Но нет ему памятника в Хабаровске, хотя вопрос об этом был поставлен Приамурским отделом Русского Географического общества ровно 80 лет назад. Был объявлен конкурс и сбор по-

Тот же дворец в процессе разрушения. Лето 1987 г.

приехал в Хабаровку в 1884 г. в качестве приамурского генерал-губернатора. Вскоре по приезде он собрал 800 рублей на постройку часовни Марии Магдалины. Эта часовня должна была стать памятником первой церкви, построенной линейцами капитана Я. В. Дьяченко еще в 1858 г. Но не только эту цель преследовал барон — задолго до своей смерти он завещал жене похоронить его в часовне Марии Магдалины. И действительно, когда он умер в 1895 году, Петербургское общество архитекторов провело конкурс на проект надгробного памятника. Из одиннадцати представленных проектов были выбраны и преми-

жирований на сооружение памятника, который предполагалось установить в Хабаровске на высоком берегу Амура. Не имея возможности выплатить премии за проекты, Географическое общество завершило участников, что имя автора лучшего проекта будет обязательно увековечено соответствующей надписью на самом памятнике. Однако памятник сооружен так и не был. Так не возвратиться ли сегодня к этой идее вновь? Право, Семен Дежнев и его подвиг во славу России того заслуживают.

Участие столичных архитекторов в проектировании памятников и архитектурных со-

оружий для периферийных городов России в конце XIX — начале XX в. было явлением обычным. Разработка конкурсных проектов, а затем и строительство по ним способствовали проникновению в далекую провинцию достижений в области архитектуры и строительства того времени, а это, в свою очередь, ставило провинциальные города на более высокий уровень в области зодчества. К сожалению, до недавнего времени сделанное в тот период оценивалось только отрицательно, даже архитектура первых пятилеток — и та подвергалась жестокой критике.

Такая оценка, конечно же, не способствовала формированию должного отношения к архитектурно-историческому наследию города, и результатом такого отношения явился снос многих ценных историко-культурных памятников. Например, из большого количества памятников деревянного зодчества, украшенных уникальными резными орнаментами, остались буквально единицы, да и те не самые лучшие. Было бы неверным относить их исчезновение только лишь на время, дескать, оно виновато. Время, безусловно, старит. Однако человек может продлить или сократить век любого памятника. Только вот всегда ли захочет продлить?

Хабаровчане, старожилы города, знают и помнят, какое здание стояло на месте нынешнего железнодорожного вокзала и что оно представляло собой по архитектуре, в каких исторических условиях было построено. Представим себе первые годы после окончания гражданской войны на Дальнем Востоке: голод, разруха, отсутствие жилья... Сколько энтузиазма, энергии, физических и моральных усилий было направлено на восстановление разоренного хозяйства. И вот в таких неимоверно тяжелых условиях, когда, казалось бы, не до красоты и не до излишеств, строится новое здание вокзала. Его официальное открытие состоялось осенью 1926 г., в 9-ю годовщину Великого Октября. 12 ноября краевая газета «Тихоокеанская звезда» сообщила: «Хабаровский вокзал пять лет тому назад погиб в огне гражданской войны. Но рабочие и крестьяне — хозяева Советской страны построили новый. В день 9-й годовщины Октября над новым зданием вокзала взвился красный флаг. Вокзал построен в русском стиле. Не в древнем уродливом стиле, с ненужными, тяжелыми карнизами, а в новом — отвечающем всем требованиям современной техники... Над главным входом художественной лепкой барельеф: две группы рабочих и крестьян — эмблема неразрывного союза хозяев Советской земли».

Нет, это был не просто обычный вокзал. Здание, рожденное энтузиазмом освобожденного народа, собранное в буквальном смысле «по винтику и кирпичику», стало своеобразным памятником Октябрю. Но не суждено было ему сохраниться таковым для будущих поколений. Нашлись и в Хабаровске иваны, родства своего не помнящие, для которых старый вокзал оказался как раз тем старьем, которому не место на земле. Одно непонятно — как только могла подняться рука на эту святыню. Ведь место для нового вокзала было рядом, свободное. Уверен — поднять руку, совершить покушение на подобные святыни может лишь человек, сам не имеющий за душой

ничего святого. Остается добавить, что произошло это в середине 60-х гг.

Не только строительство, но всю проектную деятельность в Хабаровске после окончания гражданской войны необходимо было начинать, что называется, с нуля. Большую помощь на первых порах в проектировании оказывали центральные проектные институты. Из Москвы и Ленинграда в конце 20-х — начале 30-х гг. сюда направляются архитекторы, а также инженеры, имеющие большой опыт практической работы. К примеру, на строительстве Дальневосточного банка работала большая группа специалистов — рабочих и инженеров во главе с инженером Ф. Я. Груднтом. Многие из них прошли солидную строительную практику, работая в течение 10—15 лет в Америке. Их опыт и новые методы организации работы способствовали тому, что строительство этого здания шло гораздо быстрее, дешевле и качественнее, чем других построек.

Отреставрировано за счет средств Общества в 1982—87 гг.

Свердловская область

Собор XVIII в. в селе Нижняя Синячиха. Народный музей. Исторический сквер в г. Свердловске. Музейный комплекс.

Курганская область

Дом декабриста М. М. Нарышкина. Музей. Город Курган.

Иркутская область

Дом Трубецких. Город Иркутск. Музей декабристов.

Спасская церковь (1609 г.). Филиал Иркутского краеведческого музея. Город Иркутск.

Музей деревянного зодчества, 47 км. Жилые дома, хозяйственные постройки, народное искусство, этнография.

Музей «Ангарская деревня». Город Братск. Собор Богоявления, первая четверть XVIII в. Филиал Иркутского художественного музея.

Бельская башня, XVIII в., с. Бельское. Единственный памятник такого типа, сохраненный на месте сооружения. Музейный показ.

Уже в конце 20-х годов в Хабаровске оживляется капитальное строительство. Для некоторых объектов организуются всесоюзные конкурсы. Самый крупный из них был проведен в 1927 г. на проектирование первого на Дальнем Востоке Дома Советов в Хабаровске. В конкурсе принимали участие виднейшие архитекторы того времени, много и успешно строившие в крупных городах страны. Объявленный Московским архитектурным обществом конкурс привлек к себе большое внимание. Достаточно сказать, что на него был представлен 51 проект, из которых шесть были премированы, как и оговаривалось положени-

ем. Кроме того, еще три проекта были рекомендованы к приобретению. Среди победителей конкурса были такие видные архитекторы, как И. А. Голосов и Б. Я. Улинич (первая премия), Б. В. Ефимович, В. М. Кусиков и Р. В. Цабель (вторая), С. Н. Казак и Н. А. Троцкий (третья).

Разрабатывая чертежи в Москве, один из авторов первого проекта, Б. Я. Улинич, часто приезжает в Хабаровск для осуществления авторского надзора за строительством. Он выступает среди инженеров и архитекторов, высказывает свои соображения относительно перспектив развития города, принимает активное участие в работе различных комиссий, участвует в совещаниях при крайисполкоме, где обсуждался вопрос о строительстве в Хабаровске зданий для краевого университета. С ним было заключено соглашение на разработку генплана предполагаемого университета, а также проектов главного корпуса института сельского и лесного хозяйства и трех корпусов медицинского факультета.

Нам пока неизвестна дальнейшая история сотрудничества с этим московским архитектором, но он регулярно бывал в Хабаровске, пока не было закончено строительство Дома Советов. Большое расстояние от центра, незнание местных условий и ситуации отрицательно сказывались на таком сотрудничестве. Тот же Улинич, работавший над выполнением чертежей в Москве, крайне неаккуратно их высылал в Хабаровск. Часто эти чертежи имели серьезные дефекты и «не соответствовали даже минимальным требованиям практики строительства», как писала газета «Тихоокеанская звезда» в апреле 1929 г. Или другой пример: в мае 1930 г. из Москвы поступил проект автоматической телефонной станции для Хабаровска и дан для дальнейшей проработки в «Дальпроект», но в нем оказалось столько дефектов, что для более детальной проработки он был непригоден. Проектный институт от него отказался, а чтобы не был потерян летний строительный сезон, управление связи организовало новую разработку проекта собственными инженерно-техническими силами. Рабочая группа под руководством инженера Алексеенко и при консультации архитектора-художника Солофенко за очень короткое время разработала проект, который и был утвержден для строительства.

Ограниченность по времени строительного сезона, а также общее отставание строительной базы и большая нехватка материалов сказывались на том, что многие проекты не воплощались в натуре или осуществлялись с большими искажениями. Значительному улучшению качества проектирования и строительства способствовало становление местных проектных организаций в начале 30-х годов. Крупной работой «Дальпроекта» для Хабаровска стал проект Дома печати, выполненный в 1930—1931 гг. архитекторами Л. Б. Нерославской и В. В. Калининим. Этот издательский комплекс предполагалось разместить в самом центре города, рядом с площадью Свободы, на углу улиц Карла Маркса и Гоголевской.

Место, выбранное для Дома печати, наверное, оказалось не совсем удачным. Все-таки крупному производственному комплексу не место на центральной площади города. Еще годом раньше для него предлагалось совсем

другое место. В ноябре 1929 г. архитектор Улинич, выступая с докладом на собрании инженеров, предложил снести Успенский собор, а на его месте построить Дом печати. Он говорил так: «Занимая самое выгодное, лобовое место в городе, эта захудалая по стилю полковая церковь режет глаз. На этом участке должен быть построен современный дом, который даст тон всему облику города». Собственно, это заявление московского архитектора и стало приговором для памятника культовой архитектуры. Но, как это часто бывает, старое здание снесли, а нового, современного, не построили.

В 1932 г. обсуждался вопрос о возведении на месте Успенского собора уже другого здания — Дома коммуны, который, по замыслу авторов, должен был стать лучшим памятником Октябрю. Речь шла о втором Доме коммуны, потому что еще в 1931 г. на углу улиц Карла Маркса и Дзержинского началось и успешно продолжалось строительство такого же комплекса. Дом коммуны, как новый тип общественно-жилого комплекса, олицетворял собой совершенно новое отношение к быту и человеку.

Общий эмоциональный подъем, охвативший страну после революции и победы в гражданской войне, явился основой невиданных доселе темпов строительства. Появление совершенно новых типов зданий, таких, как Дом Советов, Дом коммуны, детские сады и ясли, школы, предназначенные для учебы, жилья и отдыха, доступные не избранным, а всему населению, — все это было отражением революционных преобразований, охвативших страну от центра до самых ее окраин. Архитекторы и строители, отказавшись от академических канонов, искали воплощение художественных идеалов в новых формах и композиционных приемах, наполненных романтическим содержанием. Сооружения этого времени отражали ритм эпохи, начало формирования облика нового социалистического города. Чуть более пяти лет понадобилось, чтобы в Хабаровске появились Дом Советов, Госбанк, Дом коммуны, Дом Красной Армии, здания АТС, ДВбанка, жилой дом крайсовнархоза и другие постройки.

Чтобы правильно оценить место всех этих зданий в архитектурном наследии города, достаточно вспомнить, что в проектировании многих из них принимали участие лучшие советские архитекторы того времени. И строили ведь неплохо, быстрыми темпами. В 1929 г. на Всесоюзном конкурсе лучших построек здание Дальневосточного банка (ныне Стройбанк) было удостоено первой премии. Авторитетное жюри отметило в нем легкость конструкции, большую экономию строительных материалов, успешное применение новых принципов строительства, полную механизацию работ, а также целесообразное использование площади и удачное применение в местных условиях подрывных работ.

Сконцентрированные на одной улице, все эти здания формируют сегодня центр города, придавая ему неповторимую образность. Это настоящие памятники — память о первых пятилетках. Именно так их и следует оценивать.

Упомянув одному из пришевских персонажей, который говорил, что в их местах нет никакой географии, некоторые ответственные (а скорее всего — безответственные) люди, об-

леченные портфелями и властью, говорят, что у нас в Хабаровске нет никаких памятников архитектуры, напрочь забывая, что город без исторических сооружений подобен человеку, потерявшему память. Мы уповаем на то, что в городе до сих пор не создано ни одного полноценного, законченного градостроительного ансамбля. Однако при сложившемся отношении к памятникам прошлого трудно ожидать появления такого ансамбля и в ближайшем обозримом будущем. Ансамбль не создается ведь на голом месте, в один прием. Он создается усилиями многих поколений зодчих и при неперменном условии, что архитекторы, работающие над ансамблем, будут глубоко анализировать и учитывать сделанное их предшественниками, думая и о том, что предстоит создать в будущем. Разве можно представить себе великоленные архитектурные ансамбли в Ленинграде, созданные Карлом Росси, отдельно, вне связи с тем, что было сделано до него, скажем, тем же Растрелли? От того, как мы будем относиться к памятникам архитектуры, как будем учитывать и сочетать их с новой застройкой, зависят, в конечном итоге, и полноценность пространственной среды города, и выразительность его архитектуры.

Да, в сравнении с древнерусскими городами Хабаровск — город молодой. И может показаться поначалу, что проблемы соотношения старого и нового в архитектуре здесь вроде бы не существует. Именно подобное обманчивое мнение приводит к тому, что новые жилые образования, общественные и административные здания, особенно в центре города, проектируются без учета существующей исторически сложившейся застройки, которой безапелляционно «подписан приговор».

На одном из склонов Уссурийского бульвара, там, где расположились маловыразительные девятиэтажки 12-го микрорайона, за сравнительно короткое время были снесены почти все деревянные дома. Вместе с застройкой, не представлявшей историко-культурной ценности, исчезли и дома, украшенные великолепной пропильной резьбой. При этом общественное мнение долго убаюкивали сказками о том, что дома эти разобраны, складированы в надежном месте и будут восстановлены на территории в районе детского парка, отведенной для музея деревянного зодчества под открытым небом. Теперь-то всем понятна лицемерность этих обещаний. На словах — радение за памятники, а на деле — их разрушение, планомерное и изощренное. Между тем сочетание в этом микрорайоне старого и нового могло бы придать ему контраст и яркое своеобразие, внести ту самую «изюминку», которой подчас не хватает современным жилым кварталам, застроенным одними панельными домами давно отживших свое серий. К тому же здесь изменился привычный человеческий масштаб пространств, как-то неуютно стало среди этой новой застройки, пропали улицы как таковые, превратившись в проезжую часть, исчезли привычные дворы, а с ними и места общения соседей. В последние годы заметно изменилась историческая часть города, примыкающая к гостинице «Интурист». Появление нескольких высотных доминант на фоне общей низкой застройки сделало силуэт живописным и запоминающимся. Сложившаяся в прежние годы старая застройка здесь не мешает новым зданиям, а те, в свою очередь,

не вступают в противоречие со старыми домами. И откуда бы мы ни смотрели — с набережной или со стороны краеведческого музея, с бульвара или с улицы Серышева — отовсюду перед нами возникают интересные, порой неожиданные ракурсы и выразительные перспективы, интересное, меняющееся пространство, зрительно связанное то с водной гладью Амура, то с площадью, то с парком или бульварами. И вполне закономерным стало появление в конце улицы Шевченко своеобразного восклицательного знака — гостиницы «Интурист», которая как бы зафиксировала пересечение улиц, став композиционной осью этого исторического района города. Вот такая связь времен, такое сочетание старого и нового в архитектуре вносят контраст в среду города, оживление и элемент неожиданности, делая среду города духовно еще более насыщенной. Очень хотелось бы, чтобы данный район стал заповедным, свободным от транспорта. Разумным было бы отдать его полностью во власть пешеходов. Отсюда начинался город, здесь его история: она в музеях и в архитектуре — в самой среде.

Ведущую роль в градостроительном развитии любого города играет его главный архитектор. По сути дела, он обязан определять градостроительную политику в городе, являясь дирижером архитектурного оркестра, в который входят проектировщики различных институтов. Кто же они, эти дирижеры? Любопытно, что должность городского архитектора в Хабаровске была учреждена ровно сто лет назад — в 1888 г. Первым ее исполнил военный инженер — капитан П. Е. Базилевский. Пробыв в этой должности чуть более года, он впоследствии стал начальником инженеров окружного инженерного управления Приамурского военного округа, получил в 1907 г. высокий чин генерал-лейтенанта. Он — автор первого железнодорожного вокзала во Владивостоке, в течение многих лет вел большую общественную работу, являясь гласным городской думы и членом совета Алексеевского женского училища.

Примерно двадцать лет должность городского архитектора занимали военные инженеры. Кроме Базилевского это были Ю. З. Колмачевский, Б. А. Малиновский и другие. Военные инженеры много проектировали и строили. Колмачевский, например, был автором проекта городского Николаевского трехклассного училища (ныне на месте этого здания построено новое здание крайкома КПСС), а также банка Плюсовых. Малиновский создавал проекты многих зданий для военного ведомства, вместе с В. Г. Мооро был автором Кадетского корпуса. Интересно, что все эти годы городской архитектор совмещал свои обязанности с обязанностями городского инженера, и лишь в 1908 г. городской дума приняла решение о разделении обязанностей — с этого времени должность городского архитектора стали исполнять гражданские лица. Среди них наиболее интересны, пожалуй, В. В. Поляков и А. К. Левтеев. Виктор Викторович Поляков, возможно, и продолжал бы пребывание в должности, но неожиданно скончался 12 ноября 1912 года. После него городским архитектором стал А. К. Левтеев — это последний дореволюционный городской архитектор.

После окончания гражданской войны вся

архитектурная деятельность возглавлялась отделом коммунального хозяйства горсовета, и только в 1939 г. вновь появилась должность городского архитектора. Анализируя деятельность этой важнейшей городской службы, можно обратить внимание, что за прошедшие 40 лет (до 1980 г.) в должности городского архитектора побывало 15 человек, в среднем менее трех лет на одного. О какой градостроительной политике можно говорить при подобной чехарде? Особенно показателен в этом плане промежуток 1954—1962 гг., когда в течение восьми лет один за другим сменились шесть городских архитекторов.

Интересно, анализировал когда-либо такую перетасовку горисполком? Трудно понять, почему они менялись так часто. Наверное, кто-то из них оказывался явно не на своем месте, но не может же быть такого, чтобы буквально все не подходило для этой должности. То, что происходит сегодня в застройке Хабаровска (скажем, современное панельное строительство в центре города, отношение к памятникам старины, благоустройство и городской дизайн, озеленение), наводит на размышления, в которых немало грустного. Имея перед собой полную картину смены дирижеров в архитектурном городском оркестре, приходишь к несвоему выводу — так уж сложилось в Хабаровске, что городской архитектор здесь практически ничего не решает, а его широкие полномочия — всего лишь на бумаге. Складывается впечатление, что по отношению к архитектурным проблемам в Хабаровске прочно укоренилась система руководства с антиархитектурным уклоном. Иначе как же расценивать ставшие постоянными отступления (как результат волевого нажима) от утвержденных градостроительных решений, нежелание выносить на обсуждение широкой общественности проекты, полное забвение на протяжении десятилетий о судьбе историко-культурного наследия, отсутствие комплексности в застройке новых жилых районов.

Не изменяется, а, наоборот, усугубляется все более и более положение дел с памятниками старины. В сентябре 1986 г. горисполком принял решение «О мерах по охране и использованию зданий и сооружений, представляющих историческую, архитектурную и культурную ценность». В приложении к этому решению перечислены 209 зданий, подлежащих сохранению и реставрации. Казалось бы, наконец-то! Но на самом деле решение оказалось всего лишь «прикрытием» для продолжающегося сноса домов, теперь уже внесенных в охранной перечень. Где втихую, где закрыв глаза, а где и в открытую, не боясь общественного мнения, были уничтожены в 1987 г. несколько деревянных и каменных домов, представляющих историческую ценность. Варварским способом, другого слова не подберешь, был разрушен до основания осенью дом № 68 по улице Комсомольской. Когда-то это был дворец, принадлежавший поляку П. М. Новопашенному. Дом этот — образец неоклассицизма, вариант интернационального модерна. Интересно, что в декоре его фасадов много идентичных деталей с купеческим клубом на Малой Дмитровке в Москве. В открытую, пренебрегая общественным мнением, не имея на то официального разрешения, управляющий (теперь уже бывший) трестом Хабаровскэнергострой Арапов Г. И. отдает распо-

ряжение своим «молодцам-бульдозеристам» превратить памятник архитектуры в груды развалин. И они лихо расправились с ним, ведь ломать — не строить.

Молчаливое согласие и политика невмешательства служб горисполкома, ответственных за судьбу историко-культурного наследия, развязывают руки таким вот араповым, и те чувствуют себя безнаказанно. А запросы общественности часто остаются безответными или на них сочиняются бюрократические отписки. Вот уже более 10 лет храню, как уникальную, отписку на фирменном бланке горисполкома и подписанную председателем горисполкома П. А. Новиковым. Еще в 1975 г. я стал бить тревогу по поводу безжалостного уничтожения памятников деревянного зодчества, написал статью в краевую газету, но ее не напечатали, поскольку она была критической, и переслали в горисполком. Мне ответили: «Хабаровский горисполком принял первые шаги по сохранению образцов деревянного зодчества в нашем городе». А шаги эти заключались в следующем: «Представителям краеведческого музея и архитектурно-планировочного управления дано право снимать элементы резьбы по дереву со зданий, подлежащих сносу». Вот так сохранение! И в конце приписка (привожу дословно с соблюдением орфографии): «О дальнейших мероприятиях Вам сообщим дополнительно». Дополнительных известий, как правильно догадывается читатель, я не получил до сих пор, а результат этих «дальнейших мероприятий» известен всем — в городе практически не осталось памятников деревянной архитектуры, отражающих самобытность и своеобразие орнаментики народов Приамурья в пропиленной резьбе.

В прошлом году, пожалуй, как никогда обеспокоенно и часто выступали в защиту памятников истории и культуры Хабаровска не только местная печать, радио и телевидение, организуя передачи прямо «с места событий», но и центральные органы печати. Но вот что удивительно — реакции на эти выступления никакой. Прямо как у Крылова: «А Васька слушает, да ест».

И все-таки свои заметки об истории развития Хабаровска, о печальной судьбе многих его исторических реликвий мне хочется закончить на оптимистической ноте. Верится, что живительный процесс демократизации общества, повсеместный напор общественного мнения заставят уйти с арены безответственных бюрократов, насаждающих своими поступками бездуховность. Сдвиги есть, их просто не может не быть. На днях прошло общественное обсуждение нового генерального плана города, проекты, связанные с реконструкцией исторических зданий, городской архитектор уже отправляет на согласование в Общество охраны памятников истории и культуры, общественность все настойчивее и настойчивее требует гласности в архитектурных делах. И это вселяет надежду.

¹ Русселя-Киллуг. Через Сибирь в Австралию и Индию. Спб., 1871. С. 150.

² Алексеев П. С. По Амуру//Русский вестник. М., 1900, № 8. Т. 268. С. 454.

³ Муров Г. Т. По русскому Дальнему Востоку: Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 2. М., 1911. С. 35.